

Ежегодник Японии 2022. Т. 51. С. 122—136
Yearbook Japan 2022. Vol. 51, pp. 122—136
DOI: 10.55105/2687-1440-2022-51-122-136

Японские военнопленные русско-японской войны в Аракчеевских казармах Новгородской губернии

Д. В. Стрельцов

Аннотация

Русско-японская война была фактически первой войной, в ходе которой прошла апробацию Гагская *Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны*. Россия в тот период, как и Япония, была озабочена международной репутацией страны и стремилась создать впечатление цивилизованной державы, и после начала русско-японской войны прилагала большие усилия к тому, чтобы содержание военнопленных соответствовало международным требованиям.

Японских военнопленных в России было чуть более 2 тыс. чел. Основная их часть содержалась в Аракчеевских казармах села Медведь Новгородской губернии. В статье показано, что военнопленные имели хорошее финансовое обеспечение и пользовались свободой передвижения по селу. Российская сторона старалась учесть в пищевом рационе вкусы японцев. Приводятся данные миссии американского вице-консула Т. Смита, предпринятой для исследования вопроса о положении военнопленных, в соответствии с которыми содержание японцев не вызывало больших нареканий.

Автор также повествует о том, что сегодня память о японских военнопленных бережно сохраняется жителями села, в местном доме культуры имеется постоянная музейная экспозиция, а надгробные памятники, оставшиеся после погребения умерших военнопленных, являются частью мемориала в их честь.

Ключевые слова: Русско-японская война, военнопленные, рацион питания, свобода передвижения, село Медведь, миссия Томаса Смита, мемориал, надгробные камни.

Автор: Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, заведующий Кафедрой востоковедения МГИМО-университета (119454, Москва, Проспект Вернадского д. 76), ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН (117997, Москва, Нахимовский проспект, 32)

ORCID: 0000-0001-7177-2831

E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Japanese Prisoners of the Russo-Japanese War in the Arakcheev Barracks of the Novgorod Province

D. V. Streltsov

Abstract

The Russo-Japanese War was essentially the first war during which the Hague Convention With Respect to the Laws and Customs of War on Land was tested. At that time, Russia, like Japan, was concerned about the country's international reputation and sought to create the impression of a civilized power. After the outbreak of the Russo-Japanese War, it made great efforts to ensure that the detention of prisoners of war met international requirements.

There were a little more than 2,000 Japanese prisoners of war in Russia. Most of them were kept in the Arakcheev Barracks of the village of Medved, Novgorod Province. The article shows that the prisoners of war had good financial provision and enjoyed freedom of movement in the village. The Russian side tried to take into account the dietary tastes of the Japanese. The article presents the results of the mission of the American Vice-Consul Thomas Smith, undertaken to study the situation of the prisoners of war, according to which the treatment of the Japanese POWs did not cause any criticism.

The author also shows that, today, the memory of the Japanese prisoners of war is carefully preserved by the villagers. There is a permanent museum exposition in the local house of culture, and the tombstones left after the burial of the deceased prisoners of war are part of the memorial in their honor.

Keywords: Russo-Japanese War, prisoners of war, food ration, freedom of movement, the village of Medved, Thomas Smith mission, memorial, tombstones.

Author: *Streltsov Dmitriy V.*, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Department of Afro-Asian Studies, MGIMO-University (76, Vernadskogo Prospect, Moscow, Russian Federation, 119454); Leading Researcher, Centre for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of RAS (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117997, Russian Federation).

ORCID: 0000-0001-7177-2831

E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Русско-японская война стала первой войной, которая велась с соблюдением Гаагской Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны (1899 г.). Обе страны ратифицировали эту конвенцию сразу после ее принятия. Россия сделала это в 1899 г., Япония — в 1900 г. Конвенция предписывала, что с военнопленными «надлежит обращаться человеколюбиво».

Для Японии проявление принципа человеколюбия в отношении военнопленных было важно с той точки зрения, что она, стремясь попасть в число великих держав, делала все возможное, чтобы избежать обвинений в варварстве и доказать свой статус цивилизованной нации. Что касается России, свою роль, помимо соображений государственного престижа, играло то обстоятельство, что первая мирная конференция в Гааге, на которой была принята эта международная конвенция и которая заложила основу комплекса норм международного гуманитарного права, была созвана в 1899 г. именно по ее инициативе. На конференции был также заключен договор о применении к морской войне начал Женевской конвенции об обращении с больными и ранеными на поле боя.

Руководствуясь этими документами, Россия специальным императорским указом приняла 13 мая 1904 г. правила обращения с военнопленными войны с Японией [Hirose 1988, p. 144]. Для сбора списков военнопленных и информации об их нуждах, передачи их японской стороне, организации переписки с родиной, отправки посылок с предметами помощи в августе 1904 г. был создан Российский

Красный крест. Списки военнопленных направлялась им напрямую через посольство Японии в Берлине — хотя и нерегулярно, но все же достаточно часто [Tachikawa, Shuku 2009, p. 105–106]. Медицинские работники Красного креста сопровождали военнопленных в дороге и оказывали при необходимости раненым и больным медицинскую помощь — как при их транспортировке к лагерю, так и при репатриации после окончания войны (их на границе с Германией передали на попечение Германскому Красному кресту). Именно через Красный крест производилась переписка военнопленных с родиной.

Вопрос о русских военнопленных русско-японской войны, которых было в лагерях Японии более 70 тыс., хорошо изучен, чего не скажешь о японских военнопленных. Их в России было чуть более 2 тыс. чел. — в основном из числа служащих сухопутной армии. Известно, что помимо японцев, среди взятых в ходе русско-японской войны пленных находилось несколько китайцев, более ста корейцев, которые выполняли техническую работу на японских военных судах, и даже несколько офицеров английской армии. Великобритания, для которой Россия была главным соперником на азиатском материке, в тот период занималась вооружением и обучением японской армии и флота в рамках своих обязательств по союзу, заключенному в 1902 г. Помимо военных, в плену содержалось несколько медработников, служащих торговых компаний и иных гражданских лиц, интернированных в различных обстоятельствах сразу после объявления войны Японией.

Основная часть японских военнопленных — 1777 чел. — была направлена в село Медведь, расположенное в Новгородской губернии, примерно в 50 км к юго-западу от Новгорода. Выбор этого села в качестве лагеря для содержания военнопленных был не случаен. Россия в тот период, как и Япония, была озабочена своей международной репутацией и стремилась создать впечатление цивилизованной державы. Пленным нужно было продемонстрировать достаточный уровень экономического и культурного развития страны, а это можно было сделать только в европейской части России, но никак не в Сибири. При доставке на место заключения пленным пришлось проехать по железной дороге через всю Россию. Ее просторы поражали воображение и в какой-то степени создавали видимость величия страны, с которой японцам пришлось воевать. Военнопленных везли около двух месяцев с задержками, связанными с первоочередным

пропуском техники и людей, движущихся им навстречу — на войну. Важна была и относительная близость лагеря к обеим столицам — в случае необходимости там можно было быстро принять иностранных наблюдателей, оперативно организовать визит представителей иностранных посольств, а также продемонстрировать пленным высокий уровень культурности страны — до Петербурга от села было лишь 180 км.

Для содержания военнопленных были определены т. н. Аракчеевские казармы, в которых должны были жить крестьяне, переведенные в военные поселения (отсюда и название по имени организатора системы военных поселений А. Аракчеева). Казармы были спроектированы архитектором Стасовым в 1823 г. и построены из красного кирпича, глина для производства которого добывалась недалеко от села Медведь¹. Казармы были приспособлены к тому, чтобы принять сразу большое количество пленных. При этом ранее — после русско-турецкой войны 1877–78 гг. — в казармах содержались военнопленные Османской империи, т. е. уже имелся соответствующий опыт их использования в качестве лагеря для военнопленных.

При этом из лагеря бежать было невозможно: село окружено лесами, никакого подходящего транспорта для побега не имелось, к тому же это было бессмысленно в силу удаленности от Японии, расстояние до которой составляло многие тысячи километров. Поэтому для охраны такого количества пленных было достаточно лишь роты солдат. Изолированность и удаленность лагеря от крупных городов были важны также и с учетом революционной ситуации 1904–1905 гг.

Об условиях, в которых содержались японские военнопленные, свидетельствуют данные отчета, опубликованного по итогам миссии вице-консула американского посольства в Москве Томаса Смита в январе 1905 г. [Hirose 1988, p. 153]. В этой связи стоит отметить, что США в условиях войны представляли интересы Японии в России, и поручение американскому дипломату обследовать условия содержания японцев потому было не случайным. Имеются также иные документальные материалы — данные дипломатической переписки, дневники японцев, содержащихся в казармах, а также фотографии — среди пленных оказался фотограф Ито Кюкитиро, издавший

¹ Медведевские казармы. Портал «Исторический багаж»: <https://historical-baggage.ru/post/medvedevskie-kazarmy-222>

в 1907 г., уже после возвращения в Японию, альбом *Луна над ссылкой*. Значительная часть этих материалов издана и введена в научный оборот в Японии. В России же научные публикации на данную тему практически отсутствуют, в связи с чем данная статья ставит своей целью заполнить имеющуюся лакуну.

Материальное и финансовое обеспечение военнопленных

Большой интерес вызывает то, в каких условиях содержались японские военнопленные и соответствовали ли эти условия международным требованиям. Согласно ст. 7 Гаагской конвенции, их надлежало обеспечить всем необходимым в материальном и бытовом отношении в соответствии с их рангом и военным званием. Конвенцией предусматривалось достойное материальное обеспечение военнопленных, включая питание, постельные принадлежности и одежду, запрещалось негуманное к ним отношение. Кроме того, они должны были получать ежемесячное денежное довольствие, соответствующее жалованию военнослужащих соответствующего ранга армии страны, их пленившей.

В соответствии с этим правилом, нижним чинам платили 2,5 руб. в месяц (14 копеек в день) — в тот период это была незначительная сумма, которой хватало только на карманные расходы. Что касается офицеров, они имели право получать столько же, сколько получали офицеры их ранга в русской армии: генералы — 125 рублей, старшие офицеры — 75 рублей, младшие офицеры — 60 рублей. Следует учесть, что для пленных японских офицеров такой уровень материального обеспечения в реальности обеспечивал им даже более высокий уровень материального благосостояния, чем для русских офицеров действующей армии, так как, в отличие от последних, им не нужно было тратиться на еду и отопление [Hirose 1988, p. 154]. Об этом свидетельствует, например, то, что многие офицеры, нанимали себе местных жителей, выплачивая им за работу по 15 руб. в месяц².

После того, как пленным японским офицерам без указания причин уменьшили сумму содержания, японское правительство в ноябре 1904 г. выступило в адрес русского правительства с протестом,

² Нитиро сэно: но нихонхорё [Японские военнопленные русско-японской войны]. *Netage*. <http://www.rose.ne.jp/~ooha/horyo.htm>

в котором предлагалось привести нормы обеспечения офицеров в соответствии с Гаагской конвенцией, т. е. сделать их равными жалованью российских офицеров, а также повысить нормы обеспечения нижних чинов, которых не хватало на покупку необходимых предметов повседневного обихода. В ноте протеста приводился тот факт, что русские военнопленные получали из расчета 1 иены в месяц, нижние чины — 50 сэн в день, что соответствовало условиям содержания в японской армии. Нота была подготовлена японским министром сухопутной армии М. Тэраути и передана российскому правительству через США, которые представляли японские интересы, и Францию, представлявшую российские. Нота подействовала, и проблема была решена³.

Помимо финансового довольствия, относительно хорошими были и условия содержания японцев. Согласно отчету, составленному миссией А. Смита [Hirose 1988, pp. 153–154], японские военнопленные (нижние чины) проживали в хорошо освещенных, вентилируемых, красивых кирпичных казармах «без украшений» с высокими потолками. Каждый нижний чин получал от российских властей железную кровать, соломенный матрац, подушку, шерстяное одеяло, два полотенца, по несколько наволочек и простыней, а также в достаточном количестве (по несколько комплектов) нижнего белья. Все пленные находились «в добром здравии и хорошем расположении духа».

Что касается офицеров, которых на момент приезда Смита насчитывалось 68 чел., для проживания им были выделены два корпуса, в которых ранее жили русские офицеры. Офицеры жили в небольших комнатах и могли выбирать себе соседа. Как и у солдат, у всех офицеров была железная кровать с матрацем, в каждой комнате имелся небольшой столик, причем, как отмечал Смит, по просьбе офицеров в комнатах были установлены столы большего размера, чем это было первоначально.

Удовлетворительным было и качество питания. Смит высоко оценил рацион нижних чинов, лично попробовав предлагаемую им пищу. В день его приезда на обед давали рисовый суп с овощами и мясом, а также гречневую кашу. В отчете приводилось недельное меню: на обед в один из дней подавался пшеничный суп с овощами и мясом

³ Нитиро сэно: но нихонхорё [Японские военнопленные русско-японской войны]. *Netage*. <http://www.rose.ne.jp/~ooha/horyo.htm>

и гречневая каша, на ужин манная каша. В другой день на обед был вермишелевый суп с овощами и мясом и гречневая каша, на ужин пшенная каша. В третий день в обед подавался рисовый суп с овощами и мясом и гречневая каша, на ужин вновь манная каша. На завтрак был положен черный хлеб и чай.

С позиций сегодняшнего дня такой рацион кажется достаточно скудным, однако по калорийности он соответствовал потребностям и отчасти вкусам солдатам русской армии. Другое дело, что традиционный рацион японцев сильно отличался, что было поводом для претензий с их стороны. Например, в день на русского солдата было положено 3 фунта хлеба (1 кг 200 г.), причем это был именно черный хлеб из ржаной муки. Конечно, японцы не съедали такого количества хлеба, и в результате переговоров пленные стали получать на руки денежный эквивалент полфунта хлеба (1,5 копейки в день), который могли тратить на овощи, составлявшие неперенный атрибут японской диеты. В японских документах приводится пример появления в лагере случаев цинги, связанной с недостатком витаминов, и возможность дополнительного получения овощей была для военнопленных очень важна⁴.

Были и иные случаи, когда русские власти прислушивались к пожеланиям японцев. Например, специальным приказом черный хлеб был заменен на пшеничный белый хлеб из муки грубого помола. Прессованный чай, принятый в русской армии и непопулярный среди японцев, заменили на обычный. Манную кашу на ужин разрешалось заменить на пшенную, а перловый суп — на рисовый, расходы разрешалось перевести на счет военного фонда. В целом недовольства по поводу рациона питания среди японцев не наблюдалось, что отмечал посетивший лагерь Максим Горький, который писал: «Хорошо живут, ни на что не жалуются, едят булку и рис» [Иванов 2018].

Что касается спиртного, солдатам оно было не положено, небольшие послабления разрешались только на праздники (например, 3 ноября — день рождения императора Мэйдзи). Однако пленные часто, передав деньги, неофициально просили русских солдат из роты охраны купить им спиртное. Офицеры же практически не имели никаких ограничений, как минимум, на покупку пива⁵.

⁴ Нитиро сэно: но нихонхорё [Японские военнопленные русско-японской войны]. *Netage*. <http://www.rose.ne.jp/~ooha/horyo.htm>

⁵ Там же.

Бытовые условия

Японские военнопленные были освобождены от каких-либо обязательных работ. Кроме обязанностей по самообеспечению, связанных с заготовкой дров, уборкой помещений, растопкой печи и т.д., физической работой не занимались не только офицеры, но и нижние чины [Hirose 1988, p. 153].

В соответствии с правилами русской армии, пленные дважды в месяц посещали баню. Этого для чистоплотных японцев было недостаточно, и не случайно право мыться хотя бы раз в неделю было одним из пожеланий, зафиксированных миссией А. Смита.

Военнопленные имели возможность выходить за пределы лагеря и пользовались свободой передвижения по селу. Имеющиеся фотоматериалы свидетельствуют, что офицеры свободно прогуливались с тросточками, могли (и любили) кататься по селу на велосипедах. Зимой они катались с ледяной горки, занимались в манеже гимнастикой, играли на плацу в бейсбол, который местные крестьяне ошибочно принимали за лапту. Офицеры регулярно посещали трактир Белова — единственное питейное заведение села [Hirose 1988, p. 153].

Что касается нижних чинов, то они в свободное время, которого было в избытке, занимались поделками — мастерили украшения, модели кораблей, фигуры животных, птиц, а также куклы, зонты, веера, колечки, брелоки. Некоторые искусные поделки создавались из конского волоса. Игрушки продавались, половина выручки шла самому пленному, половина — в фонд улучшения питания. Местные мальчишки запускали подаренных японцами воздушных змеев.

Японцы изготавливали даже струнные музыкальные инструменты, включая флейты, лунную гитару (гэккин), сямисэн и сякухати. На одной из дошедших до нас фотографий видна сцена концерта японской национальной музыки, который пленные устроили для местных жителей. Сами же эти инструменты дожили до наших дней, став экспонатами коллекции Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства. Интересно, что подобной же практикой занимались и русские военнопленные, находившиеся в Японии, различие было лишь в материале: японцы использовали бамбуку, русские — бамбук.

Свобода передвижения была такой, что в отдельных случаях, связанных с необходимостью закупки продуктов (на похороны,

праздники т. д.) представителям военнопленных (до 5 человек) разрешалось ездить за покупками в Новгород — 16 км на подводе до ближайшей станции, а затем на поезде⁶.

Завязывались контакты с местным населением. Имеется даже свидетельство о романтических отношениях, завязавшихся между молодым японским офицером Хигаки Масакадзу и местной девушкой Надеждой Карповой, которой тогда было 16 лет. В музейной экспозиции местного дома культуры до сих пор хранится фотография веера, подаренного им на прощание, с памятной надписью по-русски «Не забудьте меня. Г-же Наде на добрую память». После репатриации в Японию молодые люди еще год продолжали переписываться. В 1906 г. Надежда окончила гимназию в Петербурге и переехала в Медведь, где начала учительствовать. С этого момента переписка оборвалась.

Для обеспечения прав военнопленных на переписку российское правительство уведомило японскую сторону в сентябре 1904 г. о готовности передавать японцам письма с родины, написанные катаканой (т. к. в цензуре не было возможности проверять письма, написанные иероглифами), а также посылки. Однако почтовые отправления шли из Японии около 3 месяцев, что даже в то время считалось непозволительно долгим сроком.

В лагерь допускались репортеры, в том числе корреспонденты русских и иностранных газет. Именно в качестве журналиста в августе 1904 г. лагерь посетил проходивший тогда в Старой Руссе лечение на водах Максим Горький. В своем памфлете он заклеил самодержавие, которое «бездарно проигрывает войну»⁷.

Конечно, пленных в лагерном распорядке устраивало далеко не все. В докладе миссии Смита обозначены те претензии, которые выдвигали пленные: нет возможности читать газеты и журналы; в аптечном ларьке нет определенных лекарств; письма на родину идут слишком долго; в лагере нет переводчика со знанием японского и английского языков; без объяснения причин были уменьшены нормы разрешенного спиртного; баня положена слишком редко [Hirose 1988, p. 154] После заключения 5 сентября 1905 г. Портсмутского мира пленные

⁶ Нитиро сэсо: но нихонхорё [Японские военнопленные русско-японской войны]. *Netage*. <http://www.rose.ne.jp/~ooha/horyo.htm>

⁷ Самурайские могилы в Новгородском селе. 10 камней в селе Медведь. 2012.06.12. *Кириллица*: <https://cyrillitsa.ru/posts/641-samurayskie-mogily-v-novgorodskom-sele.html>

были освобождены не сразу — это случилось только в декабре 1905 г. Они были направлены на родину не через Сибирь, а через Европу: поездом в Германию (для этого воспользовались услугами Германского Красного креста), далее морским путем через Средиземное море и Индийский океан на британском пароходе «Ванкувер». Одной из причин такого кругового пути послужила русская революция: в Чите и Красноярске были провозглашены «республики», и направлять военнопленных поездом через Сибирь было небезопасно.

По приезде военнопленные были вынуждены пройти достаточно тяжелый и неприятный карантин, в ходе которого все они подвергались допросам специальной комиссии, призванной определить обстоятельства сдачи в плен и вынести решение, не являлась ли сдача в плен предательством или нарушением воинского устава.

Вернувшихся домой японских военнопленных, основная часть которых жила в деревнях, ждали не сочувствие и поддержка, а зачастую холодное отношение их земляков. Причина этого заключалась в том, что многие потеряли на войне своих детей и родственников, а кто-то из родственников вернулся с войны инвалидом, и свою обиду и злость они стали вымещать на бывших военнопленных, которые благополучно вернулись домой целыми и невредимыми. Работал психологический стереотип: «Мой сын погиб в бою, а этот трус сдался врагу», «Он вернулся живым, потому что ел с руки врагов»⁸. Следует отметить, однако, что в тот период само по себе пребывание в плену пока еще не служило нестираемым социальным клеймом. Идея о том, что лучше умереть, чем сдаться в плен, стала распространяться позже, когда Япония вступила на путь милитаризма.

Память

В русском плену от болезней и последствий ран умерли 23 пленных (один офицер и 22 солдата), или около 1% от общего их числа. Из них 19 японцев умерли в селе Медведь, еще двое в окрестностях Петербурга, двое — в окрестностях Москвы. Такой процент даже с современных позиций считается крайне низким, особенно учитывая ужасающие цифры смертности среди военнопленных в войнах

⁸ Нитиро сэнсё: но нихонхорё [Японские военнопленные русско-японской войны]. *Netage*. <http://www.rose.ne.jp/~ooha/horyo.htm>

XX в. Все японские военнопленные были похоронены неподалеку от казарм.

Нужно отметить, что в России тогда не было традиции кремации, распространенной в Японии. В 1908 г. из Японии в село Медведь прибыла специальная делегация, 28 сентября тела эксгумированы и отправлены для кремации в Гамбург. После кремации прах в урнах направлен в Японию⁹. На церемонию отправки на родину тел умерших был направлен почетный караул для оказания почестей, возложены венки. На церемонии с японской стороны присутствовал заместитель временного поверенного в делах Японии в России Отиаи, а также А. Ю. Станкевич, командир 199-го Свирского полка, расквартированного в селе Медведь. Через министра иностранных дел Комура в адрес российского посланника в этой связи была направлена благодарность [Hirose 1988, p. 160]. На церемонии присутствовал японский писатель и известный русист Фтабатэй Симэй, который, будучи внештатным корреспондентом газеты «Асахи», специально посетил по этому поводу село Медведь [Miyanaga 2019, p. 32].

В 1965 г. поисковым отрядом под руководством Н. Н. Ильиной в селе были найдены 6 надгробных камней. Всего же было обнаружено 12 надгробных камней¹⁰. С японской стороны инициатором поисковой работы стал Мори Ёсихиро, профессор Токийского института русского языка родом из города Мацуяма (преф. Айти), где в период русско-японской войны содержалось около 6 тыс. русских военнопленных. Ровно через 100 лет после церемонии перезахоронения, в 2008 г., профессор Мори установил в селе Медведь памятный знак с надписью «За дружбу» с именами умерших пленных. Вокруг него положили камни, перенесённые с кладбища. Памятное место находится на центральной улице бывшего военного городка между казармами. Сельская администрация ухаживает за мемориалом, там иногда проходят мероприятия с участием учащихся Медведской школы. Например, члены созданного при школе лесничества в мае 2013 г. посадили по периметру мемориала молодые сосенки [Иванов 2018].

⁹ В этом отличие от праха русских военнопленных, которые нашли последний приют в могилах на японской земле.

¹⁰ Фуруки о тадзунэтэ атарасики о сиру. Тайко но Мэдобэ:дзи мурато Нихон о мусубу моно [«Согрей старое и познай новое». Что связывает древнюю деревню Медведь и Японию] 20.06.2019. *Sputnik Nihon*. <https://jp.sputniknews.com/20190620/6376705.html>

Сегодня в сельском доме культуры имеется небольшая музейная экспозиция, посвященная этой странице российско-японских отношений. Там выставлены документы, фотографии и личные принадлежности, включая складной веер, открытки, книги, японские бумажные деньги. С помощью гостей из Японии удалось прочитать японские имена и фамилии, которые вырезаны на надгробных плитах.

В экспозиции имеются отрывки дневника военнопленного Исибаси Кандзи, который писал: «Военнопленным давали белый хлеб, который среди русских ели только дворяне и офицеры. Общее питание было очень хорошим... Одна рота русских солдат на всякий случай стояла возле лагеря. Однако солдаты и офицеры относились к японцам приветливо».

Большинство российских и японских военнопленных не испытывали серьезных проблем, связанных с негативным обращением к себе со стороны пленившего их государства. В памяти осталось дружелюбное отношение местного населения — простые люди, как в России, так и в Японии, в целом сочувственно и доброжелательно относились к чужеземцам [Шулатов 2008, с. 37]. Помнят в Японии и о том, что русские власти демонстрировали внимательное отношение к просьбам военнопленных [Hirose 1988, p. 161]. Сын бывшего военнопленного Сайто в письме, написанном в 1965 г., рассказал: «Русские заботливо относились к моему батюшке. Пленных хорошо питали, они свободно ходили по селу и общались с местными жителями жестами, грея при этом руки на солнце» [Иванов 2018]. Сами же японские военнопленные понимали, что имеются определенные права, установленные международной конвенцией, не являются изгоями, могут сохранять достоинство в качестве военнослужащих. Отсутствие каких-либо претензий по поводу содержания военнопленных было зафиксировано на официальном уровне. При встрече с Николаем II полковник Оои Кикудзиро, курировавший возвращение военнопленных на родину, даже поблагодарил российские власти «за теплое отношение» к японским пленным [Шулатов 2008, с. 37].

Японские военнопленные в селе Медведь составили одну из малоизвестных страниц в истории российско-японских отношений. Именно гуманное отношение к пленным дает основание считать Русско-японскую войну «джентльменской войной» XX в. Эта история не закончилась с окончанием войны — в селе осталась зримая память об этих событиях, которая и сегодня проявляет себя в музейной

экспозиции, мемориале, регулярном посещении этого села гостями из далекой Японии.

Есть при посещении этого села еще один повод вспомнить о российско-японских отношениях. Именно в этом селе в 1906 г. родилась Александра Петровна Орлова, которая выбрала себе путь профессионального японоведа. Находясь под впечатлением от японской страницы истории родного села, она поехала учиться в Ленинградский университет на японское отделение Восточного факультета. Учителем Александры стал известнейший российский и советский японовед Николай Иосифович Конрад. А. П. Орлова вышла замуж за однокурсника Петра Топеху, который также выбрал стезю профессионального японоведа, став специалистом по рабочему движению Японии.

В 1931 г. А. П. Орлова переезжает с мужем в Москву, где успешно заканчивает аспирантуру, после чего становится преподавателем в Московском институте востоковедения и преподает японский язык, подготовив несколько поколений советских японоведов. Дочь Александры Петровны Татьяна Петровна Григорьева также посвятила свою жизнь Японии, став крупнейшим в СССР и России культурологом-японоведом, автором масштабных исследований по искусству и литературе Японии.

Библиографический список

Иванов В. (2018) Любимое село. Исторические сведения о селе Медведе и его жителях. <https://proza.ru/2018/01/07/2080>

Шулатов Я. А. (2008) *На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914 гг.* — Хабаровск-Москва: Институт востоковедения РАН.

References

Hirose, T. (1988). Nichiro sensō ni okeru nihonhei horyo ni tsuite no ikkōsatsu [A Closer Look at the Japanese Prisoners of War in the Russo-Japanese War]. *Shinshu daigaku jinbun kagaku ronshu* [Studies in Humanities], 22, 1988–03, March 15, 143–165. (In Japanese).

Ivanov, V. (2018). *Lyubimoe selo. Istoricheskiye svedeniya o sele Medved' i yego zhitelyakh* [My Dear Village. Historical Information About the Village of Medved and Its Inhabitants]. <https://proza.ru/2018/01/07/2080> (In Russian).

Miyanaga, T. (2019). Sankuto Peteruburugu no Futabatei Shimei [The Saint Petersburg of Futabatei Shimei]. *Shakai Shirin. Hosei Journal of Sociology and Social Sciences*, 2, 1–63. doi/10.15002/00022343. <https://core.ac.uk/download/pdf/233058763.pdf> (In Japanese).

Shulatov, Ya. A. (2008). *Na puti k sotrudnichestvu: rossiisko-yaponskiye otnosheniya v 1905–1914 gg.* [On the Way to Cooperation: Russian-Japanese Relations in 1905–1914]. Khabarovsk, Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (In Russian).

Tachikawa, K., Shuku, H. (2009). Seifu oyobi gun to ICRC nado to no kankei. Nisshin sensō kara Taiheiyō sensō made (zenhan). [Relations Between the Government and the Military and the ICRC, etc. From the Japan-China War to the Pacific War (Part 1)]. *National Institute for Defense Studies*, 11 (2), January 2009, 69–125. http://www.nids.mod.go.jp/publication/kiyo/pdf/bulletin_j11_1_4.pdf (In Japanese).